

Russell Kelfer

Больше нет комнат...

RU 1305-A

Серия: Ум Христа

DISCIPLESHIP TAPE MINISTRIES, INC.
INTO HIS LIKENESS RADIO

PO Box 782256, San Antonio, TX 78278 • (210) 226-0000 / 1-800-375-7778 • www.dtm.org • dtm@dtm.org

Больше нет комнат...

Это время года было просто создано для торговцев. Люди целыми семьями приезжали со всех концов, чтобы зарегистрироваться для уплаты налогов. Во время их путешествия по равнине дул пронизывающий ветер, к этому добавлялась усталость, и единственное, о чем думали люди, это где им переночевать.

Очевидно, что людей было больше, чем комнат. В стране таких гостиниц, как сегодня, не было. Невозможно было заранее по телефону забронировать номер. Было впечатление, что все места заняты участниками какого-то крупного конгресса, а те, кто приехал позднее, могут лишь попытаться найти какое-нибудь место для ночлега.

Мелвин и Рут Ангиц были владельцами гостиницы. Весь год они ждали этого момента. Цены поднялись, но спрос был такой, что он оправдывал такое повышение. Хотя люди вздрагивали, услышав о скачке цен на комнаты, они понимали, что, если они отправятся дальше на поиски, то, возможно, вообще не найдут места, где остановиться. В то время как уставшие путешественники начали прибывать в их маленький город, Рут почему-то была возбуждена больше обычного. «Я же тебе сказала, что у нас не хватает одеял, — начала она. — Почему ты меня не слушаешь?» Мел ничего не ответил. С течением лет это стало для него способом защиты. Делая вид, что он не слышит, он смог предотвратить около 50% конфликтов в своем браке. Остальные 50% он решал при помощи тактичных переговоров. «А тот кувшин в комнате наверху, — продолжала Рут. — Еще неделю назад я сказала тебе, что в нем трещина. Ты никогда меня не слушаешь».

Для Рут продолжающееся молчание Мелвина было подобно бомбе с часовым механизмом. У него в распоряжении были недели, чтобы привести все в порядок. Но это не для Мелвина. Она дала ему прозвище: «Мел, все делающий в последнюю минуту». Рут, бывало, ругала его: «Когда Бог призовет тебя к себе, ты сделаешь вид, что не слышишь, и этим выиграешь для себя немного времени». Сказав это, она выходила на маленькие улочки Вифлеема, разговаривая сама с собой, так как больше никто не хотел ее слушать.

Рут и Мелвин были преданными верующими. Для них каждое пиршество и каждое празднование несло в себе смысл. Они, как и все евреи, живущие

под римским гнетом, подвергались значительным преследованиям, но их вера в Иегову была слишком велика, чтобы идти на компромиссы.

Римский император Цезарь Август хотел быть уверен, что его еврейские подданные платят налоги и платят их полностью. Евреи не были обязаны служить в Римской армии, но они должны были платить налоги. А так как евреи были разбросаны по всей стране, то единственной возможностью проверить, что налоги уплачены полностью, и обновить списки налогоплательщиков, это было назначить время, когда люди обязаны приехать для регистрации в соответствии с местом проживания своей семьи. Никаких исключений не допускалось.

Таким образом, в эти выходные толпы людей должны были прибыть в город и выстроиться в очередь в ожидании, пока налоговая служба образца первого века выполнит свою работу. Единственными, кроме римских работников статистического бюро, кто не жаловался на происходящее, были торговцы, которые рассчитывали заработать благодаря этому наплыву людей. Мел и Рут были одними из многих. Внутри городских стен, вдоль извилистых улочек располагались маленькие магазинчики и мини-гостиницы. Именно такие периоды времени делали их жизнь более терпимой.

Римские солдаты обслуживались первыми. Они получали все, что хотели. Как только они заходили в еврейскую лавку и начинали требовать скидок и особого обслуживания, в воздухе возникала напряженность. Их присутствие оставляло за собой мрачную атмосферу, и эти гордые евреи, которые так часто притеснялись и находились под чужим правлением, смотрели на этот период своей истории глазами, полными глубокого негодования.

Этот день был особенно тоскливым. Тяжелый туман заполнил горизонт и опустился на этот, обычно сонный маленький городок. Было впечатление, что люди, спускавшиеся к городским воротам, принесли с собой этот туман. Вскоре шум на улицах стал напоминать обстановку, характерную для миниатюрного карнавала. Присутствие такого количества людей, детей и животных создавало фестивальную атмосферу. Стараясь как-то развеселиться во время этой тяжелой поездки, люди вели себя так, как будто они направлялись в Диснейленд, и многие из них благодаря алкоголю становились еще более шумными.

Сказать, что это было время безумия, это не сказать ничего. Подобное напряжение еще больше повышало возбуждение, царившее в семье Ангиц, и довело его до состояния вулкана, готового к извержению. Наконец наступил момент, когда первые семьи в поисках комнат вошли в деревянные ворота, ведущие в Гостиницу Ангиц.

«Мне нужна комната», — громко потребовал глава семьи. — Мне нужна комната в задней части дома, и нужна немедленно». Мужчина, похоже, до этого пил. Было очевидно, что он и его жена не очень ладили между собой, а двое из их троих детей орали во всю глотку. Плюс к этому, осел, который вез их пожитки, подскользнулся на глине, а вся их одежда и вещи были до такой степени покрыты чем-то похожим на деготь, что их практически было невозможно различить. В наши дни из этого сделали бы фильм и назвали его «Бен и Берта отправляются в Вифлием» (или что-то вроде этого).

Мел Ангиц был гордым человеком; решительным и гордым. Он не переносил, когда кто-то давал ему указания. Он мог терпеть это от Рут и то недолго. Никакая плата за комнату не могла заставить его терпеть оскорбления.

«Я с удовольствием покажу вам комнату, — Мелвин сказал спокойно, — но вы должны успокоиться и перестать кричать. Это семейное заведение и грубиянов мы не любим». Рут стояла в метре от него. Она приблизилась к нему и с такой силой ударила его локтем по ребрам, что от удара можно было упасть на землю, корчась от боли. «У нас есть для вас прекрасная комната, — она сказала нежным голосом, так, как будто ее мужа не было рядом. — Пойдемте со мной, я покажу вам нашу лучшую комнату в задней части дома». С этими словами она повернулась к Мелвину и посмотрела на него взглядом, способным просверлить отверстие в стальном листе. Он повернулся и с болью в ребрах покорно пошел прочь, не желая выяснять отношения в присутствии посторонних.

Тем временем требовательный путешественник получил такой же злой взгляд от своей уставшей жены, которой уже виделся этот сценарий, повторяющимся в каждой гостинице, пока они не окажутся спящими под деревом, как это и случилось не так давно. Его взгляд смягчился, когда он встретился глазами со своей женой, и двое мужчин постарались не столкнуться друг с другом, когда Рут повела семью показывать их комнаты. «Какая мрачная погода», — проговорила она, стараясь увести разговор в сторону от конфликта между двумя мужчинами, и поговорить о чем-то отвлеченном.

Не успела эта немного задиристая пара направиться в свою комнату, как в воротах появилось двое других воинственных и уставших с дороги людей. Это была знакомая пара. Это была семья Иссахар. Последние три года, когда они приезжали в Вифлием, они останавливались в гостинице Мела. Отец семьи Исаак был некогда зажиточным землевладельцем, но из-за борьбы с Римским правительством снискал себе дурную славу. Если он останавливался в твоём заведении — это было равнозначно тому, что пригласить на обед заведомого скандалиста. Создавалось впечатление, что

ты даешь приют врагу. Мелвин всеми силами пытался отговорить Исаака останавливаться в его гостинице, но безуспешно. Его жену Иру, крупную, достаточно напористую женщину, жаловали не больше, чем ее капризного муженька. Но она снова была здесь, и все ощущали ее присутствие.

Пока Иссахары привязывали своих благородных коней перед гостиницей, было слышно как Мелвин простонал: «О, нет, Исса, опять...О. здравствуй, Иссаак, какая честь, что ты снова здесь». Не имело смысла попытаться сказать, что все номера заняты. Чтобы доказать, что это не так, этот человек будет стучать и заходить в каждую комнату. Глядя на ослов и лошадей, привязанных впереди, он мог определить сколько комнат занято. «Для меня есть та же комната? — громко спросил Исаак, — Мне она понравилась!»

«Конечно, — промямлил Мелвин. — Она была под карантином с вашего последнего визита». У Исаака не было чувства юмора. Мелвину не было дела до Исаака. Это была патовая ситуация. Но не успел Мелвин проводить своего не очень желанного гостя в его комнату, как в дверь вошел самый высокий и здоровый Римский солдат из виденных им до сих пор. Облаченный в свою форму, он больше походил на палача, чем на солдата.

Римские воины были призваны «переносить тяготы». Это было частью их обязательств при наборе. Оружие у них было тяжелым, помимо обычных копий и мечей, которые они были обязаны носить, каждому солдату выдавалась пила, корзина, кирка, топор и зловещего вида крюк. У них была тяжелая и непредсказуемая жизнь. Им не разрешалось жениться, их снаряжали и подбирали так, чтобы они вызывали страх в сердцах тех, кто может бросить им вызов. Этот человек, несомненно, полностью отвечал этим требованиям.

Кем бы он ни был, выглядел он внушительно. И Мелвин, и Иссахары, немедленно отреагировали на его появление. У Мелвина это был страх, у Исаака – враждебность. Он знал, что последние, примерно, десять миль его пути в Вифлием, за ним следили. Он знал, что куда бы он ни пошел, Римские солдаты будут следовать за ним, стараясь сделать его жизнь невыносимой.

«Сколько у вас есть комнат?» - произнес здоровенный солдат, протискиваясь мимо Исаака и его взволнованного сопровождающего. Он ответил заикаясь: «Осталось всего ч-ч-четыре». «Мне нужно пять! - провозгласил солдат. «Выгоните этого человека отсюда, - сказал он, указывая на начинающего выходить из себя Исаака Иссахара. - Моим солдатам нужны комнаты, а вы являетесь римскими подданными». Мелвин Ангиц никогда ранее не испытывал столь смешанных чувств. Было бы хорошо найти повод, чтобы отказать Исааку и его шумной жене. Но пять комнат заполненных римскими солдатами? Они платили только в редких случаях, так что река

раздора, создаваемого римлянами, была готова поглотить его надежду на то, чтобы в этот особый день вернуть себе упущенные заработки. Принимать у себя римских солдат было сложнее, чем кого-либо. Они не просили, они требовали. Они были грубыми, неотесанными и часто безнравственными, они были последними, кого он хотел иметь в своей маленькой гостинице. Но у него не было выбора.

«Извини Исаак, — очень тихо произнес Мел, — но закон на их стороне». В приступе гнева Исаак схватился за меч. А солдат, чьей реакции могло бы позавидовать дикое животное, успел выхватить свой меч и нацелить его на Исаака, на что разозленный еврей не успел среагировать. Мел, трус по натуре, рухнул на землю так, как будто сейчас разразится Мировая война. Конечно, никто из мужчин не собирался осуществлять свои угрозы. Римский солдат мог быть привлечен к военному суду, если он решит своими руками править закон. Исаак, если бы он нанес удар римскому солдату, остаток своих дней провел бы в тюрьме. Оба блефовали.

Исаак засунул свой меч обратно в ножны и, взяв жену за руку, направился к двери. «Придет день, когда Бог Иегова отомстит за свой народ. Наш Бог — это всепоглащающий огонь». — прокричал он. Римский солдат рассмеялся злобным смехом: «Ваш Бог мертв! — завопил он. — Ваш Бог мертв. Император — это Бог, никогда не забывайте об этом».

Исаак с вызовом повернулся. Солдат опять потянулся за своим зловещего вида ножом. «Мертв?» — пронзительно закричал Исаак. «Мой Бог это — Я ЕСТЬ — крикнул он, — и Он придет, чтобы спасти Свой народ. Когда придет Мессия, Рим падет, как сраженный старик. Когда придет Мессия, ваш Император будет погребен в пыли, как обычный человек, которым он и является. Мессия растопчет это злобное чудовище. Увидите, Мессия придет, Мессия придет». После этого он поспешно ретировался, практически одним движением оседлал ждущего его коня, и удалился, надеясь найти другую гостиницу, прежде чем его найдут солдаты.

Мелвин хотел прокричать «Аминь» в ответ на бунтарские крики своего друга о могуществе Иеговы. Но внутри себя он сомневался. О, как он сомневался. Уже годы, как никто так много не упоминал Мессию. О, он учил это в синагоге, когда был ребенком. Об этом писал Исая. Об этом писал Иеремия. Об этом писал Даниил. Но вот уже годы, как небеса будто бы закрылись для иудейских молитв.

Даже раввины перестали говорить о том, что произойдет искупление от Пришествия. Иудейские учителя называли это «аллегорией». Они имели в виду, что Пришествие — это, на самом деле, аура, создаваемая храбростью иудеев, которая должна была спасать их как внутри себя, так и во внешнем мире. Мессия — это был вымысел, вот чему они учили.

«Бедный, заблудший Исаак, — думал Мелвин. — Неужели он верит в этот вздор? Или он просто хотел произвести впечатление на непреклонного римского солдата?» Если так, то ему это не удалось. Этот нежеланный воин Диметриус не мог сдержать громкого смеха, глядя, как Исаак уезжает в поисках другой гостиницы. «Мессия, Мессия, где же ты? Похоже, что годы-то идут и идут», — пробурчал он. Лицо Мела покраснело.

«Вы исполнили свой долг, сэр», — сказал Мелвин сурово, но голос его дрожал от страха. — Он ушел. Конечно, вам не нужны пять комнат». Он надеялся на лучшее. Диметриус развернулся, снова вытащил свой зловещий меч, держа его на расстоянии всего нескольких сантиметров от горла дрожащего Мелвина. «Мне нужны пять комнат. По два человека в комнате. Всего десять человек. И нужны они мне прямо сейчас». — сказав это, он направился к Мелвину с видом хищника, готового схватить свою добычу.

Это было противозаконно отказать римскому солдату в приюте. Мелвин знал это. Он сгинет в тюрьме, скажи еще слово. «Да, сэр», — он ответил, — проходите сюда». С этими словами он повел разозленного офицера показывать комнаты. И, действительно, прямо за ним стояли еще девять таких же воинственных гигантов, у которых с собой были фляги с напитками, а также такое количество мечей и топоров, что хватило бы для уничтожения целого города повстанцев. А запах от них был такой же, как в раздевалке после баскетбольной игры.

Жена Мелвина Рут наблюдала за происходящим через окно, стоя снаружи. Она была напугана и раздавлена. Исчезал их заработок, их надежды произвести впечатление на новых посетителей, их надежда на приятные выходные. Эти воинственные гиганты могут разбудить их посреди ночи с требованием воды, одеял или еды. Она знала это по опыту. Хорошей новостью для Рут было то, что ее муж не пытался предстать героем и не отправился на тот свет.

Впервые она ощутила уважение к бунтарю Исааку. То, что он говорил о Мессии. Она поверила ему. Почему пророки писали, что Бог защитит Свой народ, если он не собирался этого делать? Именно так происходило раз за разом. Конечно, прошли годы. Конечно, небеса безмолствовали. Конечно, римские солдаты растоптали самую суть еврейского народа. Но что-то из сказанного Исааком зажгло надежду в ее сердце. «Когда придет Мессия, Рим падет, как сраженный старик». Вот, что она хотела услышать.

Много лет назад, сидя у ног своего отца, она слышала рассказы о том, когда, наконец, явится тот, кого избрал Бог. Враги Бога падут к Его ногам, терпя полное поражение. Называться Иудеем будет честью, а не позором. «Когда Князь Мира придет, — обещал ее отец, — враги Бога перестанут существовать». Для нее римская оккупация просто означала, что, возможно,

близится время прихода Мессии. Разве это не лучшее время для Иеговы, чтобы войти в Израиль, взять в плен захватчиков и освободить пленников? Действительно, это лучшее время.

Ее дневные грезы внезапно оборвались. Диметриус и второй человек в его команде, молодой воин по имени Георгий, увидели ее через окно, узнали в ней хозяйку гостиницы и закричали ей так, как обычно кричат служанкам. «Принеси нам хлеба и воды, - смеялись они, - нечего стоять там, уставившись». Она быстроотреагировала, но сказала еле слышно: «Мессия придет, Мессия придет».

Остаток дня был настоящим кошмаром для Мела и Рут. Более дюжины семей приходили и уходили в поисках приюта. Некоторые были готовы платить любые деньги, чтобы получить комнату. Большинство из них расстроились, узнав, что маленькая гостиница Мела уже заполнена, но, увидев грубых римлян, входящих и выходящих в таком количестве, многие посчитали, что Мелвин входит в состав вражеского лагеря, и было видно, как они мысленно вычеркнули это место из своего списка.

Было около пяти часов вечера, столпотворение людей снаружи вместе с усиливающимся шумом, начало сказываться на состоянии Рут. Солдаты, действительно, полностью оправдывали свою репутацию. Они были грубы, неотесанны и невероятно требовательны. Казалось, что они намеренно создают трудности, стараясь вывести Мелвина из себя и тем самым иметь основания для его ареста. Он вел себя осторожно, однако, в течение дня практически не показывался.

Когда они появились, солнце уже начало опускаться за облака, и наступающий вечер стал как ни в чем не бывало накрывать собой все это безумие. В определенном смысле, они ничем не отличались от тех пар, которым Мел и Рут до этого отказали. Но, в другом смысле, они отличались от них, как день и ночь.

Он был приятный мужчина, немного стеснительный, очень уставший от поездки, но, казалось, она была его единственной заботой. Его волнения было действительно оправданным. Нужно было только взглянуть на нее, чтобы понять, что она была на последнем сроке беременности; в принципе, по выражению лица женщины можно увидеть, что она может родить в любую минуту.

Она выглядела просто, не обладая никакой особой привлекательностью. Но от нее исходило какое-то сияние. Сила ее внутренней красоты поистине приковывала к себе. Вы на самом деле видели не ее, а ее характер. В ее поведении была мягкая деликатность, хотя было очевидно, что она испытывала какую-то боль, то ли из-за поездки, то ли из-за беременности, то ли из-за того и другого вместе.

Разговор начал мужчина. «Не найдется ли у вас места, где моя жена могла бы отдохнуть ночью? — немного нерешительно спросил он. — У нее уже очень большой срок». Рут вздрогнула. Отказать другим было легко, относительно легко. Но на этот раз все было не так просто. Женщина подошла к Рут и с нежной улыбкой прошептала ей что-то на ухо. По выражению лица Рут все стало понятно. У женщины были первые родовые схватки. У нее начинались роды. И у нее не было места, чтобы прилечь.

Рут была достаточно бескорыстна, чтобы уступить на ночь свою собственную постель, но она уже это сделала. Незадолго до этого приехала ее кузина Аделада вместе с мужем, и Рут с Мелом отдали им свою комнату. Они намеревались бодрствовать всю ночь, чтобы пытаться утихомиривать шумных римлян, занимавших другие четыре комнаты, и это еще не учитывая тех требовательных путешественников, которые прибыли первыми.

Рут подумала о том, чтобы поговорить с солдатами. В это время Диметриус через холл направлялся к выходу. «Сэр, — робко обратилась к нему Рут, — у этой женщины большой срок. Не могли бы ваши солдаты подумать о том, чтобы уступить ей комнату? Она проделала долгий путь и не может спать на улице». Диметриус оглядел ее, давая понять, что это ее проблема, а затем рассмеялся. «Чтобы римские солдаты уступили комнату иудейской женщине? Цезарь бы от нас отсекся», — сказав это, он что-то промычал и вместе со своими уже пьяными воинами направился на улицу, чтобы позлить каких-нибудь ничего не подозревающих Иудеев и этим завершить свой вечер.

«Дитя, мне так жаль, — прошептала Рут, — мне так жаль». Вдруг мягкое и нежное выражение её лица стало злым и мстительным. «Когда придет Мессия, — она повторила фразу, над которой размышляла весь день, — когда придет Мессия, он растопчет всех этих злобных чудовищ. Когда Мессия придет, наши люди будут, наконец, свободны».

Мел не мог больше выносить это. Неожиданно он заорал: «Мессия — это розыгрыш. Никакого Мессии нет. Иудеи сами являются своей собственной Мессией. Если бы Бог о нас думал, Он уже давно бы явился. Он ждет, чтобы мы сами себя искупили. Прекрати говорить эту «ерунду о Мессии». С этими словами, он топнул ногой, как бы подтверждая свою позицию, и вышел из комнаты.

В тот момент это случилось. Женщина повернулась к мужчине и лицо её озарилось мягкой улыбкой. «Мессия придет,- он тихо повторил, — Мессия придет. А теперь, Мария, пойдем, надо продолжить поиски. Ночь приближается». Рут не могла точно понять, но что-то отличало эту пару от других. В них была какая-то божественность, которая не поддавалась описанию, хотя выглядели они совершенно обычно. Было очевидно, что

денег у них очень мало. Одежда их тоже не производила впечатления. Драгоценных камней и золота на них тоже не было. Ослик, на котором приехала женщина, выглядел так, как будто его списали из местного цирка. Он выглядел замученным, и у него отсутствовала часть уха. Но все это не имело значения. Эта пара казалась совершенно умиротворенной посреди всей этой неразберихи и неопределенности. Казалось, что они будут чувствовать себя спокойно практически где угодно.

И тут Рут осенило. «Милая, — начала она, — тебя зовут Мария? Какое красивое имя. Мария, в Вифлиеме больше нет комнат. Мы уже отказали более чем дюжине людей. И многие говорили, что это была их последняя попытка. Но, тем не менее, я вижу в каком вы отчаянном положении. Мужу моей сестры принадлежит хлев вниз по дороге. Возможно, вы сможете там переночевать. Там будет теплее, чем снаружи, и они, по крайней мере, смогут вам сделать постель из соломы, чтобы вы могли прилечь. Я знаю, что это немного, но, комнат нет, Мария. Комнат нет».

Эти слова, отдаваясь эхом по коридорам времени, были чем-то гораздо большим, чем просто объявление о том, что в маленьком городке под названием Вифлием, нет больше мест, где остановиться. Эти слова многое говорили о человеке, и многое говорили о Боге.

То, что они говорили о человеке, это, что место в гостиннице его сердца ограничено. Мир надвигается дерзко, надменно, требовательно. Он намеревается занять все пространство в вашей жизни. Бог приходит спокойно, кротко, непретенциозно. Он предлагает поселиться, но только в том случае, если есть комната. Его надо пригласить, и для того чтобы Он вошел, что-то должно уйти. Решение не обязательно будет приятным. Оно даже может вызвать разногласия. Ваши близкие могут вас не понять. Вы должны сделать выбор. Но, если вы не приготовите ему место, Он пройдет мимо.

О Боге эти слова говорили следующее: Комната была бы, если бы только Бог этого пожелал. Те, кто занимали эти комнаты, освободили бы их лишь по одному слову, раздавшемуся с Небес. Если бы Бог сказал, то гостинница размеров, способных поразить мир, была бы воздвигнута за считанные секунды. Ангел мог бы спуститься сверху, произнести слово и все комнаты в Вифлиеме освободились бы. Если бы Бог пожелал, руководство города встретило бы их у городских ворот и проводило во дворец.

Комнаты могли бы быть. Планы Бога вовсе не были нарушены неожиданным наплывом людей в маленький городок. Бог запланировал, что рождение Его единственного Сына произойдет в определенный момент времени, в определенном месте истории, тогда, когда не будет комнат. Человеку понять это нелегко. Понять это означает понять чудо верховенства

Бога. Для того, чтобы понять почему собственный сын Бога будет рожден в хлеву, мы должны понять кое-что из плана Бога. Следующий раз, когда Он придет, Он придет во всей своей силе и славе.

Если бы Он явился так в первый раз, то Ему бы оказывали почести, но мы были бы потеряны. Для того, чтобы благославить нас, Он смирил себя настолько, что мы даже не можем себе представить, и уж тем более не можем принять, и Он, незвавший греха, принял на себя все наши грехи. И все это, из-за того, что не было комнат, началось в маленьком хлеву, застланном сеном.

Осмысление величественного плана Бога внушает благоговение. Он означает, что для того, чтобы совершить что-то духовное в жизни других людей, те, кто становятся его приверженцами, соглашаются, если надо, на тихую незаметную жизнь в полной безвестности. Он означает, что те, которые должны вместить в себя святость, для того, чтобы принести спасение другим людям, могут быть обречены на большие испытания: потерю работы, потерю репутации, потерю престижа, потерю комфорта, потерю одобрения.

Когда мы взываем к Богу о мирских удобствах, Он может ответить: дитя мое, комнат нет. Комнат нет. Может быть ему придется прошептать нам: «Дитя мое, иди за мной, и я отведу тебя туда, где ты будешь нужен». Как часто на это мы отвечаем: «Нет, Господи, не здесь. Не в хлеву жизни. Не в больницах. Не в очередях безработных. Не там, где боль; не там, где смрад; не там, где отторжение. Нет, Господи, не здесь».

Но, тем не менее, Он должен мягко ответить: «Но, дитя, я думал, что ты хочешь пройти мой путь. А мой путь начался в хлеву, потому что не было комнат. Не было комнат. Ты разве не понял? Ты лучше, чем Мой Сын?».

Мы никогда не сможем перенести все тяготы жизни с точки зрения Бога, пока не вернемся обратно в Вифлеем. Пока мы не увидим, что для того чтобы осуществить высший план Бога, человек должен хотеть смирить себя и родиться заново, не для того, чтобы добиться комфорта и одобрения в жизни, а для того, чтобы быть смиренным, страдать, если нужно, и достичь целей и наград Бога. Жизнь часто будет говорить нам: «Извините, для вас здесь места нет». Это ничего. Если вам нужно место, Бог поможет вам его найти.

Та ночь была ужасной для Рут Англии. Частично, конечно, из-за шумных римлян. Но ее беспокоило что-то еще. Это был тот взгляд. То, как Мария посмотрела на Иосифа, когда она говорила о приходе Мессии. Иосиф тогда тихо, но так убедительно сказал: «Мессия придет. Мессия придет».

И через несколько коротких часов, неведомо для Рут, Мессия

Больше нет комнат...

действительно явился. Он явился на постели из соломы. Он явился окруженный животными. Он явился неузнанный. Он явился.

Рут, ты была права. Бог держит свое слово. Когда Он сказал, что придет спасти нас, Он пришел. Теперь Он говорит, что придет избавить нас. И Он придет.

Мессия придет, возлюбленные, Мессия придет.

И на этот раз место для него будет.

На самом деле место будет!

Russian Translation

dtm DISCIPLESHIP TAPE MINISTRIES, INC.

PO Box 782256, San Antonio, TX 78278

210-226-0000 or 1-800-375-7778

www.dtm.org • dtm@dtm.org • © Russell Kelfer

(07.19.14)